

М.С. Дроздова

Образы природы в поэтических реминисценциях романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»

Статья посвящена анализу образов природы, садов и парков в романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта». Рассматриваются реминисценции из поэзии А. Теннисона и Т. Гарди в контексте методов литературной герменевтики и рецептивной эстетики.

Ключевые слова: Викторианская эпоха; Джон Фаулз; интертекст; реминисценция; эпитафия.

Тема природы, как известно, занимает особое место в жизни и творчестве английского писателя Джона Фаулза (1926–2005). Ключ к его произведениям, по мнению Т.Л. Селитриной, следует искать в общении с природой, особенно с деревьями [8: с. 240]. Большую часть жизни писатель провел в своем доме на берегу моря в городке Лайм-Риджис на юге Англии. Этот городок стал основным местом действия в знаменитом романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» [1].

При этом ключевые события романа разворачиваются не в самом городе, а на природе неподалеку от Лайма. В настоящее время, как и при жизни Фаулза, здесь располагается национальный парк (The Undercliff National Nature Reserve). Примечателен в романе образ садов и парков, созданный писателем с помощью реминисценций из творчества Т. Гарди и А. Теннисона. Оговоримся, что под реминисценциями, вслед за Ю.Т. Листровой-Правдой, понимаются «точные, а также преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным — ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [6: с. 78].

Рассмотрим две реминисценции из стихотворений английского писателя Викторианской эпохи Томаса Гарди (1840–1928), посвященные усадьбе и саду. Первая из них выступает в качестве эпитафии к главе 34: «*And the rotten rose is ript from the wall*» [1: р. 253]. «*И увядшая роза сорвана со стены*» (здесь и далее перевод наш. — М. Д.).

Для анализа реминисценции целесообразно обратиться к методу литературной герменевтики, который подразумевает наличие разных уровней понимания и продвижение от одного уровня к другому по так называемому «герменевтическому кругу» [5: с. 157; 7: с. 9].

Данная строка заключает в себе кульминацию стихотворения. Роза, любимый цветок поэтов со времен античности, символизирует скоротечность счастливой жизни, молодости (что подчеркивает эпитет *rotten* — увядшая). Традиционно розу уничтожает ветер [9: р. 174]. Эффект разрушения достигается с помощью аллитерации — преобладает звук /r/.

На первом уровне герменевтического круга очевидно, что с помощью данного эпиграфа Фаулз прогнозирует разрушение несостоявшейся семьи Чарльза и Эрнестины, подчеркивает неотвратимость трагичного финала. Напомним, что глава 34 повествует о прощании Чарльза с Эрнестиной перед его отъездом в Лондон. Смитсону тяжело быть рядом со своей невестой по причине нарастающих чувств к Саре, с которой он целовался незадолго до этого. В этом смысле увядшая роза — аллегория угасающих чувств Чарльза к Эрнестине.

Вместе с тем на втором уровне герменевтического круга читатель обращает внимание на контраст трагического пафоса стихотворения Гарди и ироничного, насмешливого отношения Фаулза к Эрнестине («a sugar Aphrodite, the ageless attraction of shallow-minded women») [1: р. 255]. В данном случае роза, традиционно символизирующая молодую, хрупкую, чистую девушку, приобретает новое качество («увядшая»), что также свидетельствует о пренебрежительном отношении автора к героине. Данное обстоятельство позволяет говорить о содержательно-подтекстовой информации и рассматривать данную реминисценцию как гипертекст.

Опытному читателю известно, что цитируемое стихотворение «Дождь и ветер» («During Wind and Rain», 1917) написано в память о жене Гарди и посвящено ее семье. Основные темы произведения — необратимость времени и неизбежность смерти. Центральное место занимает образ усадьбы, где живет счастливая семья, имеющая благополучный дом, цветущий сад, который в данном контексте появляется не случайно. В первую очередь он напоминает об эдемском саде, что позволяет провести параллель между безмятежной жизнью Адама и Евы до грехопадения и благополучием героев стихотворения перед надвигающейся катастрофой. Деревья также служат воплощением семьи, которая, как и все живое, растет, расцветает, приносит плоды и умирает. Возникают образы ветра, разрушающего сад, и дождя, олицетворяющего страдания [9].

Вторую реминисценцию из поэзии Т. Гарди Фаулз дает в качестве эпиграфа к главе 23: «Portion of this yew / Is a man my grandsire knew...» [1: р. 189]. «Часть этого *тиса* — человек, которого знал мой дед...»

Глава 23 посвящена описанию усадьбы Винзиэтт. Чарльз приезжает к дяде и замечает изменения, произошедшие за время его отсутствия. На первом уровне понимания читателю ясно, что название стихотворения Гарди «Трансформации» («Transformations») несет в себе содержательно-фактуальную информацию. На следующем глубоком уровне понимания читатель отмечает содержательно-концептуальную информацию, которую передает эпиграф.

Обратимся к анализу стихотворения. Гарди утверждает, что усопшие не исчезают навсегда, а становятся частью окружающей природы, которая дала им жизнь. Первая строфа, ставшая источником реминисценции, представляет собой описание тиса, частью которого, по мнению поэта, является знакомый его деда, похороненный рядом.

Мотив сопоставления человека с растением, восходящий к фольклору и Библии, типичен для европейской литературы [4: с. 17]. Согласно древним преданиям тис считали деревом смерти, его часто можно встретить на кладбищах Великобритании. В английской культуре ядовитое хвойное дерево означает смерть и вечность. Более того, его ветки издавна заменяли пальмовые во время празднования Входа Господня в Иерусалим (в русской традиции — Вербное воскресенье).

Образ тиса как символа вечной жизни позволяет объяснить выбор данного эпитафия Фаулзом и провести параллель с духовными исканиями его экзистенциального героя. Чарльз Смитсон следует по этому пути, проходя через все трансформации, которые в итоге приводят его к надежде на духовное возрождение.

Интересной в данном контексте представляется рецепция Дж. Фаулзом поэзии Альфреда Теннисона (1809–1892). Так же как и Т. Гарди, он жил и творил в Викторианскую эпоху (1837–1901), а в 1850 г. удостоился звания поэта-лауреата. Фаулз приводит реминисценцию на поэму А. Теннисона «In Memoriam» (1850, глава СХХIII) в качестве эпитафия к главе 8: «There rolls the deep where grew the tree, / O earth, what changes hast thou seen! / There where the long street roars, hath been / The stillness of the central sea. / The hills are shadows, and they flow / From form to form, and nothing stands; / They melt like mist, the solid lands, / Like clouds they shape themselves and go». [1: p. 49]. «Где росло дерево, сейчас бушует море, / О, земля, какие ты видела перемены! / Там, где шумит длинная улица, был / Штиль центрального моря. / Холмы — это тени, они плывут / Из одной формы в другую, и ничто не стоит на месте; / Они тают, как туман, эти твердые земли, / Словно облака, меняют форму и уходят».

Понимание данной реминисценции также предполагает движение по герменевтическому кругу. Сначала читатель проводит параллель между стихами А. Теннисона об изменчивости природы и содержанием главы 8, посвященной описанию палеонтологических исследований Чарльза, которые происходят в Вэрской пустоши, будущем национальном парке. Напомним, что главный герой увлечен злободневной для того времени теорией Дарвина, а исследования ископаемых помогают ему наблюдать изменчивость природы на примерах. Отсюда вытекает второй, глубокий, уровень понимания данной реминисценции.

Читателю с большим литературным опытом известно, что поэма А. Теннисона «In Memoriam» [3] создавалась в виде отдельных стихотворений

на протяжении 17 лет после того, как в 1833 г. поэт узнал о смерти своего лучшего друга Артура Генри Хэллэма. Поэма написана в жанре элегии. Она обладает глубоким философским смыслом, привлекая внимание читателя к темам скорби и обновления, потери и обретения, смерти и бессмертия. Наблюдая за природой, ее изменчивостью и постоянным возрождением, лирический герой поэмы находит утешение и надежду. Он понимает, что, хотя и невозможно вернуть близкого человека в его земной, телесной форме, душа его жива, что дает надежду на встречу в лучшем мире.

А. Теннисон пытается найти равновесие между догматами христианской религии и актуальными в Викторианскую эпоху научными открытиями (исследованиями Лайелла, позднее Дарвина). Поэт приходит к выводу, что достижения науки объясняют устройство вселенной лишь частично, сохраняя веру в Бога, любовь и спасение.

На глубоком уровне понимания очевидно сопоставление лирического героя поэмы с Чарльзом Смитсоном, который также пытается найти равновесие в жизни. Здесь целесообразно обратиться к названию, которое поэт изначально хотел дать своему творению: «Путь души» («The Way of the Soul»). У читателя неизбежно возникает ассоциация с душевными и духовными исканиями Чарльза. Автор характеризует его как человека сомневающегося, постоянно задающего вопросы: «And he had always asked life too many questions» [1: p. 34].

Так же, как и Чарльз, лирический герой поэмы «In Memoriam» (очень близкий автору — поэма написана от первого лица) задается вопросами экзистенциального характера. Первоначальное название «Путь души» может быть понято читателем двояко: с одной стороны, это путь, который проделывает душа человека (в частности, А. Хэллэма) после смерти; с другой стороны, это путь душевных и духовных исканий самого героя. По этому пути и движется Чарльз, недаром Фаулз часто показывает его в дороге (главы 3, 23, 39, 40, 42–45, 49, 50, 54, 55, 58–60). «Путь души» лирического героя поэмы А. Теннисона приводит его к обретению веры в спасение, дает необходимую ему надежду на вечную жизнь. Нечто подобное происходит и с Чарльзом в конце заключительной главы романа (глава 61): «...he has at last found an atom of faith in himself, a true uniqueness, on which to build...» [1: p. 445].

Духовное возрождение человека, дающее надежду на будущее, лежит в основе концепции романа Фаулза, что становится особенно очевидным благодаря образу садов и парков, возникающему в поэтических реминисценциях. Человек у Фаулза отождествляется с деревом, которое постоянно растет и обновляется. Особое значение природы в романе подчеркнуто выбором в качестве основного места действия Вэрской пустоши, где в настоящее время располагается национальный парк. Таким образом, с течением времени меняется отношение к природе, связанное с драматическими событиями XX в., переосмыслено прошлое, в том числе и Викторианская эпоха.

Библиографический список

Источники

1. *Fowles J.* The French lieutenant's woman: [A novel]. London: Vintage, 1996. 445 p.
2. *Hardy T.* Poems: Selections. Oxford: Oxford university press, 1984. 547 p.
3. *Tennyson A.* In memoriam. London: The Nonesuch press, 1933. 145 p.

Литература

4. *Громова А.В.* Растительные образы в прозе Л.Ф. Зурова: мифопоэтический аспект // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 16–23.
5. *Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Киринозе З.И.* Методы литературы. Системно-синергетический подход: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 280 с.
6. *Листрова-Правда Ю.Т.* Библейские и иные текстовые реминисценции в русской литературной речи // Вестник ВГУ. 2004. № 2. С. 78–83.
7. *Меркулова М.Г.* Роль Б. Шоу в становлении двухчастной модели национальной шекспировсферы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 8–13.
8. *Селитрина Т.Л.* Мифологическое сознание Джона Фаулза // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 240–244.

Справочные и информационные издания

9. *Ferber M.* A Dictionary of Literary Symbols. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 263 p.

References

Istochniki

1. *Fowles J.* The French lieutenant's woman: [A novel]. London: Vintage, 1996. 445 p.
2. *Hardy T.* Poems: Selections. Oxford: Oxford university press, 1984. 547 p.
3. *Tennyson A.* In memoriam. London: The Nonesuch press, 1933. 145 p.

Literatura

4. *Gromova A.V.* Rastitel'ny'e obrazy' v proze L.F. Zurova: mifopoe'ticheskiy aspekt // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 16–23.
5. *Zinchenko V.G., Zusman V.G., Kirnoze Z.I.* Metody' literatury'. Sistemno-sinergetisheskiy podxod: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2010. 200 s.
6. *Listrova-Pravda Yu.T.* Biblejskie i iny'e tekstovy'e reminiscencii v russkoj literaturnoj rechi // Vestnik VGU. 2004. № 2. S. 78–83.
7. *Merkulova M.G.* Rol' B. Shou v stanovlenii dvuxchastnoj modeli nacional'noj shekspirosfery' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1 (17). S. 8–13.
8. *Selitrina T.L.* Mifologicheskoe soznanie Dzhona Faulza // Filologiya i kul'tura. 2015. № 2 (40). S. 240–244.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. *Ferber M.* A Dictionary of Literary Symbols. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 263 p.

M.S. Drozdova

**Images of Nature in Poetic Reminiscences
of the Novel by J. Fowles «The French Lieutenant's Woman»**

The paper focuses on analysing the images of nature, parks and gardens in *The French Lieutenant's Woman* by John Fowles. The paper deals with the reminiscences from Alfred Tennyson's and Thomas Hardy's poetry using literary hermeneutics and reception-aesthetics methods.

Keywords: Victorian period; John Fowles; intertext; reminiscence; epigraph.